

ИЗВИНЕНИЕ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНО ОБУСЛОВЛЕННЫЙ КОММУНИКАТИВНЫЙ ФЕНОМЕН

Е. А. Плетнева

Воронежский государственный университет

В фокусе настоящей статьи находится феномен извинения, а также комплекс проблем, связанных как с определением данного коммуникативного действия, так и с выявлением его социокультурной значимости на примере английского и японского языков. Анализ употребления речевого акта извинения позволяет выявить тот факт, что на функционирование извинений в разных лингвокультурных сообществах оказывают влияние культурные особенности, а также правила и нормы коммуникативного взаимодействия. Для дальнейшей исследовательской работы предлагается использовать, наряду с такими лингвистическими теориями, как, например, теорией речевых актов и теорией вежливости, дискурсивно-событийный подход, позволяющий рассматривать феномен извинения комплексно.

Феномен извинения на протяжении многих лет привлекает внимание исследователей как в нашей стране, так и за рубежом. Изучая различные аспекты коммуникативного взаимодействия, лингвисты пытаются понять, каким образом использование определенных слов и выражений после совершения действия, которое, по мнению говорящего, нанесло моральный или физический ущерб его собеседнику, приводит к исправлению сложившейся ситуации. С одной стороны, такая постановка вопроса помещает в фокус внимания проблему определения коммуникативного действия «извинение», связанную с выявлением того, в каких условиях оно реализуется, какие последствия имеет, и в чем состоит социальное значение этого действия.

С другой стороны, трудности вызывает анализ тех коммуникативных смыслов, которые выражаются особыми языковыми формами, конвенционально используемыми в языке для реализации извинения, поскольку языковые формы, в семантике которых содержится значение извинительности, могут употребляться в реальной речи для выражения не только извинения, но и других смыслов. В то же время, выразить извинение можно не только посредством этих формул, но и посредством иных высказываний, в семантике которых значение извинительности отсутствует. При этом в разных языковых культурах не совпадает как набор языковых / конвенциональных средств, которые используются для выражения извинения, так и сами условия, в которых появляется необходимость осуществить данное коммуникативное действие — «извинение».

Таким образом, возникает целый комплекс проблем, связанных как с анализом того, что имен-

но представляет собой обычное бытовое коммуникативное действие «извинение» и в каких обстоятельствах оно возникает, так и с тем, насколько разнообразно употребляются в разных культурах те языковые средства, в семантике которых содержится «извинительный» компонент.

Разные исследователи пытаются рассматривать проблему определения коммуникативного действия извинения с разных сторон и с разных теоретических позиций. При этом практически все авторы, которые занимаются анализом феномена извинения, отмечают, что извинение играет важную роль в социально значимой коммуникативной деятельности человека, будучи одним из способов регулирования этой деятельности и способствуя предотвращению возможного конфликта или прекращению уже возникшего. По мнению Дж. Серля, цель речевого акта извинения (РА Извинения) — восстановление гармонии между говорящим и слушающим, поскольку извинение имеет эффект компенсации за причиненный оскорблением ущерб [2]. А. Тросборг соглашается с такой трактовкой, отмечая, что РА Извинения направлен на достижение социальной гармонии между говорящим (= извиняющимся) и слушающим, а также на восстановление достоинства пострадавшей стороны. А. Тросборг также обращает внимание на то, что извинение есть социально значимое явление, необходимость в котором появляется всегда, когда происходит нарушение социальных норм взаимодействия, независимо от того, является ли причиненный ущерб реальным или только потенциальным [15: 373].

Австрийский исследователь Р. Ратмайр подходит к трактовке РА Извинения вполне традиционно, рассматривая его как одну из форм речевого

этикета. По ее мнению, речевой акт извинения состоит из трех компонентов: говорящего, извиняющегося за свое неверное поведение, адресата, которому был причинен ущерб, и самого причиненного ущерба [1: 43]. При этом автор отмечает особую важность следующей зависимости: чем серьезнее причиненный ущерб, тем более сложной и трудоемкой должна быть формулировка извинения. К сожалению, трудно согласиться с данным определением, поскольку Р. Ратмайр с самого начала формулирует его некорректно, называя речевым актом не речевое действие, а вовлеченных в разговор собеседников и нанесенный одному из них ущерб. Как известно, в теории речевых актов (ТРА) под речевым актом понимается совокупность локутивного (акта произнесения высказывания), иллокутивного (совершения действия в процессе произнесения высказывания) и перлокутивного (достижения определенного эффекта в результате высказывания) актов. Таким образом, Р. Ратмайр уже на входе задает неверные условия для трактовки РА Извинения, что, в свою очередь, ведет к получению неверных результатов исследования. Возвращаясь ко второй мысли Р. Ратмайр, можно отметить, что используемая говорящим формула извинения зависит не от серьезности ущерба, а от интерпретации и оценки этого ущерба говорящим.

Из всего многообразия возможных реакций на собственное неверное поведение извинением Р. Ратмайр называет только те реакции, при которых говорящий признает свое ошибочное поведение (причинение некоторого вреда адресату) и одновременно приписывает себе вину за причиненный адресату материальный или нематериальный ущерб [1: 14]. При этом в качестве высказываний, выражающих извинение, рассматриваются только те, в которых прямо эксплицируется вина говорящего и нанесенный им ущерб, а те высказывания, в семантике которых этого нет, в поле зрения Р. Ратмайр не попадают (например, такое высказывание, как: «Мам, я больше так не буду»). Таким образом, несмотря на то, что Р. Ратмайр использует для описания извинения терминологию теории речевых актов, она подходит к исследованию этого коммуникативного действия вполне традиционно и поверхностно, не замечая того, что она анализирует не компоненты речевого акта, а скорее входные условия коммуникативной ситуации извинения.

Н. Тавучис (1991) предлагает более широкое видение проблемы и рассматривает извинение с позиций социологии и не в терминах лингвистики, выделяя извинения, идущие от одного к одному, от

одного ко многим, от многих к одному, и, наконец, от многих ко многим. Каждый из этих типов извинения, по мнению Н. Тавучис, имеет свои собственные отличительные черты и характеристики, которые могут быть объединены в три основные группы: личные / публичные, индивидуальные / институциональные, специфические / общие (private vs. public, personal vs. institutional, and specific vs. general) [14].

У. Эдмонсон предлагает следующую схему РА извинения: [APOLOGIZE — S did P, P bad for H]¹ [8: 278]. В данной схеме исследователь демонстрирует, что извинение требуется тогда, когда говорящий S совершил некое действие P, которое имело негативный характер для слушающего H. В тех ситуациях, когда говорящий совершает действие извинения, У. Эдмонсон называет его поведение социально-санкционированным и направленным на поддержание имиджа слушающего (socially-sanctioned H-supportive Behavior) [8: 280]. В том случае, если извинение было принято, причина конфликта, которую У. Эдмонсон называет «Complain», исчезает, поскольку больше не является темой для обсуждения. В такой ситуации коммуникативное событие, которое было инициировано неким конфликтом, заканчивается иллокуцией, с помощью которой извинение принимается, и которую У. Эдмонсон называет «Прощение» (Forgive). У. Эдмонсон также рассматривает и те ситуации, в которых извинение используется в качестве обезоруживающей стратегии, т.е. предвосхищает сам нанесенный ущерб и является извинением за само намерение нанести ущерб слушающему. (Например: A: *Can you lend me ten pounds?* — B: *Sorry John*).

Ф. Кулмас расширяет перспективу проводимого анализа и рассматривает РА Извинения как социально значимое явление, как универсальный речевой акт, который существует в каждом языке и в каждом языковом сообществе. В свою очередь, каждый язык предоставляет определенный набор конвенционализированных средств для выполнения этой функции. Однако тот способ, которым культурный контекст реализует данный феномен, может существенно различаться в разных культурных сообществах [7: 81]. Ф. Кулмас особо подчеркивает, что одной из центральных лингвистических проблем является соотношение между формой и функцией в языке. В условиях реальной коммуникации эта проблема проявляется в том, что даже

¹ S = speaker (говорящий), H = hearer (слушающий), P (действие)

если мы знаем, КАК сказать «I'm sorry» в другом языке, мы должны знать, КОГДА и КОМУ мы должны это сказать в соответствии с нормами интеракции, принятыми в данном языковом сообществе [7: 69], поскольку буквальное значение языковых форм зачастую не соответствует тому коммуникативному значению, которое реализуется при их употреблении в дискурсе.

Ф. Кулмас обращает внимание на тот факт, что извинение всегда носит межличностный характер и требует от говорящего оценки, а также интерпретации того, каким образом был нарушен ход событий. Ф. Кулмас полагает, что именно от природы, сложности и важности причиненного ущерба зависит то, какую формулу выражения извинения выбирает говорящий (с использованием или без использования усилительных конструкций), а также то, будут ли приняты адресатом данные извинения (например, высказывание «*I'm sorry I'm late*» будет вполне достаточным при опоздании на вечеринку, и, наоборот, окажется недостаточным в ситуации, когда адресат опаздывает на самолет по вине говорящего) [7: 76].

Рассматривая различные подходы к описанию речевого акта извинения, следует отметить, что практически все исследователи в своих работах обсуждают существующие в разных языках формулы извинения, идя от формы (то есть самой формулы) к содержанию. Некоторые авторы анализируют употребление этих формул в речи, давая, однако, лишь поверхностный комментарий; другие пытаются описать данное явление с позиций теории речевых актов, рассматривая, тем не менее, в качестве способов реализации извинения только формульные высказывания. Как следствие того, что РА Извинения трактуется указанными авторами в рамках этих двух основных подходов как акт фатической коммуникации, полученные результаты оказываются очень похожими, что, однако, не дает удовлетворительного решения проблемы извинений, а, наоборот, поднимает ее на более высокий уровень, еще раз подтверждая, что только с позиций теории речевых актов данная проблема решена быть не может. Отмечая указанные ограничения, такие исследователи, как Е. Гоффман и А. Д. Коэн, выходят за рамки теории речевых актов и рассматривают речевой акт извинения как один из компонентов целого коммуникативного / речевого события, включающего несколько когерентных речевых актов. При таком подходе (дискурсивно-событийном) появляется возможность анализировать прагматические, семантические и языковые параметры

дискурсивного взаимодействия, которые обуславливают реализацию речевого акта извинения.

Е. Гоффман отмечает, что при реализации РА Извинения «человек, совершивший проступок и признающийся в своей вине, как бы играет две роли одновременно: виноватого и осуждающего самого себя» [11: 144]. Е. Гоффман выделяет пять типовых компонентов коммуникативного события извинения: 1) выражение огорчения, 2) признание своей вины, 3) самоосуждение, 4) обещание исправиться, 5) предложение компенсировать ущерб. При этом можно отметить, что, хотя говорящий не всегда последовательно реализует все перечисленные речевые акты, это совсем не означает неэффективность речевого события извинения.

А. Д. Коэн с группой соавторов предлагает несколько иную трактовку основных компонентов коммуникативного события извинения: 1) собственно извинение, 2) объяснение причины, 3) признание ответственности, 4) предложение компенсировать ущерб, 5) обещание исправиться [6: 52]. В данной трактовке, в отличие от предыдущей модели, отсутствуют речевые акты самоосуждения и выражения огорчения со стороны говорящего.

Не менее важным в рассмотрении проблемы извинения является то, что многие авторы связывают функционирование (употребление) извинений с понятием «вежливость» и реализацией принципа вежливости как одного из способов гармоничного коммуникативного взаимодействия и регулирования социального поведения людей. При этом одни авторы подходят к проблеме вежливости традиционно и рассматривают ее в терминах речевого этикета, другие же опираются на прагматическую теорию вежливости П. Браун и С. Левинсона, отмечающую культурную обусловленность вежливости в межличностной коммуникации и в межкультурном взаимодействии, и трактуют речевой акт извинения с позиций и в терминах необходимости сохранения «социального лица» коммуниканта².

Тем не менее, с позиций теории вежливости невозможно объяснить, каким образом формиру-

²Под «социальным лицом» (face) П. Браун и С. Левинсон понимают определенный образ / имидж участника общения и его стремление сохранить чувство собственного достоинства в различных ситуациях. «Позитивное лицо» выражается в подсознательном желании и социальной потребности человека быть признанным окружающими, получить их одобрение и уважение. «Негативное лицо» выражается в желании быть независимым и самостоятельным в принятии решений, иметь собственное пространство и возможность выбора. В процессе коммуникации участники общения апеллируют либо к одному, либо к другому «социальному лицу» слушающего.

ется механизм употребления языковых средств для выражения извинения, поскольку наряду с формульными высказываниями в разных языках существуют и широко используются дополнительные языковые способы и средства выражения извинения. Различия между значением и функцией, или, в терминах Дж. Серля, между пропозиционным содержанием и иллокутивной силой высказывания, регулярно проявляются в разговорном этикете. Так, кроме явных эксплицитных формул извинения, которые не всегда выражают это самое извинение, существуют и иные, неконвенциональные способы его выражения, причем в разных языковых культурах для этой цели могут использоваться разные языковые формы.

Кроме того, извинения, так же, как и условия их употребления, разнообразны, культурно специфичны и культурно обусловлены. Культурные особенности накладывают определенный отпечаток на функционирование извинений в разных лингвокультурных сообществах. Разные культуры находят разные средства для выражения извинения, а разные речевые акты по-разному кодируются в разных языках; в свою очередь культурные нормы, отображенные в этих речевых актах, могут существенно различаться в разных языках. Большим недостатком сравнения речевых актов в разных культурах является то, что оно часто не включает сравнение самих культур [15: 40]. Однако нельзя забывать, что разные прагматические нормы отражают разные иерархии ценностей, характерные для разных культур, что ведет к существованию разных конвенций употребления тех или иных речевых актов. Например, в японском и русском языках в определенных ситуациях присутствует переход извинения в благодарность и наоборот. (Ср. Рус.: *«Спасибо, гости дорогие. До свидания. Извините, если что не так»*. Яп.: *Kino-doku desu (yo)* — благодарность за полученную услугу и извинение за причиненное собеседнику беспокойство (дословно «Это яд для моей души») [12]).

Речевой акт извинения в одной культуре не есть то же самое в другом социально-культурном контексте, несмотря на то, что во многих языках выбор извинительных стратегий очень схож, то есть в одинаковых социальных условиях, с одинаковыми контекстуальными чертами, с одинаковым уровнем ущерба разные языки реализуют РА Извинения очень схожим образом [7: 405]. (Например, использование прямых эксплицитных извинений и выражение личной ответственности за произошедшее часто встречаются в разных языках.) Однако когда

дело касается дистантных культур, разница может быть очень значительна, поскольку в них могут различаться как сами условия ситуации извинения, так и интерактивные и языковые стратегии его осуществления. (Например, японцы, говорящие по-английски, используют формулу «Sorry» гораздо чаще, чем американцы. Так, один японский бизнесмен очень разозлил своего американского коллегу тем, что постоянно извинялся за возникшую проблему, тогда как американец ждал объяснений причины, вызвавшей такую ситуацию, и поиска решений проблемы [7: 405]).

В связи с этим феномен извинения в японской культуре, которую П. Браун и С. Левинсон относят к культуре негативной вежливости, привлекает внимание множества исследователей. В этом языке существует большое количество конвенциональных формул, использование которых жестко регламентировано культурно-специфическими нормами реализации конкретных речевых актов. Среди них большую группу составляют и средства выражения извинения, чья область применения не всегда определена их семантикой. Кроме выражения извинения такие высказывания выражают и другие, необычные, с точки зрения представителей западной культуры, коммуникативные значения. Например, они часто используются для реализации таких речевых актов, как приветствие, предложение, благодарность. Интересно, что формулы извинения и благодарности в японском языке часто взаимозаменяемы, поскольку этика должностования заставляет японцев отождествлять благодарность с чувством вины, и, как следствие, формулы извинения являются лучшим способом соответствовать языковой и культурной норме. А так как в японской культуре огромное значение придается взаимным обязательствам, ответственности, моральному долгу, то это, в свою очередь, ведет к существованию в японском языке очень большого количества конвенциональных формул, эксплицирующих данные культурные особенности.

Культурная специфика коммуникативного взаимодействия хорошо иллюстрируется употреблением формул извинения (*sumimasen*) и благодарности (*arigato*), которые рассматривает в своей работе японский исследователь Т. Куматоридани. Функциональный диапазон формул извинения и благодарности в японском языке, которые имеют семантику извинения / благодарности, принципиально отличается от функционального диапазона этих формул в европейских языках. Формула «*sumimasen*» служит в качестве более формально-

го и более вежливого выражения благодарности, и используется гораздо чаще, чем «arigato» в тех ситуациях, где европейцы сказали бы «спасибо». Т. Куматоридани выделяет такие функции формул извинения (таких как «sumimasen», «gomen(nasai)», «moushiwake arimasen», «shitsurei shimasu»), как обозначение запроса, отказа, благодарности, привлечения внимания, извинения, вопроса, признания услуги со стороны слушающего, как маркер начала и завершения разговора, а также как средство, используемое для того, чтобы перебить собеседника в процессе разговора [12].

Т. Куматоридани обращает особое внимание на те ситуации, в которых формула извинения одновременно используется для реализации речевых актов извинения и благодарности, как, например, в следующей ситуации:

Shooyu o toote moraemasen ka. ‘Пожалуйста, передайте мне соевый соус.’

Hai dozo. ‘Возьмите.’

Domo sumimasen. ‘Спасибо’ (дословно — ‘Мне очень жаль, простите.’) [Kumatoridani 1999].

Как видно из данного примера, в силу культурной специфичности условий и норм коммуникативного взаимодействия, у исследователя, оперирующего в привычной для него системе культурных координат, затруднение может вызвать даже просто идентификация того речевого акта, который порождается в приведенном дискурсе, поскольку, с точки зрения носителей, скажем, большинства европейских языковых культур, условия данной ситуации с необходимостью предполагают реализацию речевого акта благодарности, а никак не извинения, и использование формулы извинения для реализации этого речевого акта вызывают недоумение. В то же время совершенно не факт, что в японской языковой культуре в данных коммуникативных условиях должен осуществляться речевой акт благодарности — возможно, это особый тип речевого действия, не существующего в европейских языковых культурах. В связи с этим, может показаться неоправданным утверждение авторов-европейцев / американцев о том, что посредством извинения осуществляется речевой акт благодарности, так как, возможно, здесь речь идет о совершенно особом типе речевого акта. Кроме того, современные лингвисты склонны рассматривать семантические формы в качестве главного параметра для определения их коммуникативного значения. Таким образом, данный пример хорошо иллюстрирует глубину представленной проблемы и связан не с самим речевым актом извинения, а с

пониманием принципов и механизмов формирования коммуникативных смыслов в речи.

Описать семантику обсуждаемых формул японского языка невозможно с точки зрения европейских систем координат. Проблема определения этого смешанного речевого акта и разграничения в японском языке РА Извинения и РА Благодарности очень сложна. Даже поверхностный анализ употребления в японском языке такой формулы, как «sumimasen», позволяет выявить тот факт, что в одних условиях оно используется для реализации одного определенного действия, а в других обстоятельствах — для реализации другого действия. Поскольку обстоятельства порождения речевых актов в японском языке культурно обусловлены и по-иному структурированы, нежели в европейских языках, то они могут порождать совершенно иной тип речевого акта. Употребление в английском языке формулы «Sorry» проявляет опосредованную связь с условиями успешности реализуемого данной формулой речевого акта. Существование же в японском языке иных условий успешности приводит к появлению третьего типа речевого акта, в котором невозможно четко разделить действия извинения и благодарности. По мнению одного японского исследователя, каждое западное слово несет в себе целый спектр культурных и исторических ассоциаций, что делает их не совсем пригодными для описания иных культурных реалий (“Each Western word is loaded with cultural and historical meanings, associations ... Thus Western words as such are not appropriate for describing non-Western reality.” [7: 80]). Таким образом, получается, что в японском языке есть другой, отдельный тип речевого акта, что в свою очередь ведет к вопросу об универсальности существующих на сегодняшний день классификаций речевых актов и ставит под сомнение сам термин «речевой акт».

Что касается самого речевого акта извинения в его традиционном понимании, то в условиях японской культуры важнейшее значение имеет то, что для японца нарушение социальных норм и правил в первую очередь означает потерю лица. Сохранение лица — это одна из центральных ценностей, управляющих интеракцией в японской языковой культуре. Поведение, при котором (в терминах П. Браун и С. Левинсона) говорящий стремится «сохранить лицо», характеризуется двумя коррелирующими отношениями — стремлением не беспокоить других и сохранить свое собственное лицо. Это — самая главная часть ритуального языкового поведения в Японии, которое встречается

на каждом шагу (от официальных церемоний до бытовых ситуаций, например, встреча на улице или разговор на рабочем месте) [7: 83]. Среди механизмов коммуникации в японской лингвокультуре важную роль играют те, которые помогают говорящим сохранить свое «социальное лицо» и предлагают извинения за реальные, предвосхищаемые или только подразумеваемые нарушения этикета или конвенциональных правил. В японской культуре извинение показывает желание говорящего следовать конвенциональным правилам и социальным ожиданиям. Вербальные извинения имеют место даже в тех ситуациях, когда отсутствует серьезный или реальный ущерб. Если в ситуации общения присутствует нарушение социальных правил, самоосуждение за это нарушение есть неотъемлемая часть возмещения ущерба. Один из механизмов защиты лица при этом — использование извинений в японском языке там, где западные люди их не используют и, следовательно, не ожидают их услышать [7: 84].

Правила и нормы коммуникативного взаимодействия в японской культуре предполагают выражение чувства обязанности по отношению к другому человеку не только в момент совершения услуги, но и при повторной встрече после события оказания какой-либо услуги, что является очень важным отражением социальных ценностей и отношений, преобладающих в японском обществе и японской культуре. Сами эти языковые формулы имеют ритуальный характер и являются частью национальной языковой культуры. Они наполнены важнейшей культурной и социальной информацией и задают общий тон коммуникации между членами иерархически структурированного общества, поскольку в Японии даже самая мелкая услуга превращает реципиента в должника. Таким образом, социальные отношения формируют структуру взаимных обязательств и долженствований. Поскольку далеко не каждая услуга может быть оплачена, то в подобной ситуации, например, если нет возможности адекватно отплатить за оказанную ему услугу, японцу культура предписывает вербально компенсировать свой «долг», демонстрируя своими высказываниями, что он осознает и признает тяжесть этого долга по отношению к собеседнику и свой собственный внутренний дискомфорт по этому поводу [7: 88]. Иными словами, благодарность и извинение при таких условиях фактически сливаются и перестают быть четко разделяемыми речевыми актами.

Таким образом, можно предположить, что, поскольку в японской лингвокультуре существует огромная разница между использованием формул извинения и благодарности и совершением самих актов извинения или благодарности, то и в других дистантных культурах, в отличие от близких и знакомых нам культур, может существовать совершенно иной концепт какого-то коммуникативного действия, а использование терминологического аппарата, который отражает наши собственные языковые и культурные особенности, может оказаться помехой при описании и анализе реалий другой культуры. Возвращаясь к проблеме определения извинения, можно с уверенностью утверждать, что то, что понимается под извинением и благодарностью в европейских и японском языках, не совпадает, а те языковые единицы, которые называются формулами извинения / благодарности, употребляются в языке параллельно (то есть в определенных ситуациях конвенциональное значение формул оказывается не связанным с его семантическим значением).

Все сказанное выше наглядно демонстрирует тот факт, что анализ условий реализации извинения и определение роли извинения в социально значимой ритуализированной коммуникативной деятельности человека является сложной задачей при описании этого феномена в разных дистантных языковых культурах. Однако в близких, знакомых культурах решение данной проблемы оказывается далеко непростым. Даже новейшие лингвистические теории (например, ГРА) не дают возможности всесторонне и детально рассмотреть данное явление, поскольку формула сама по себе не есть способ выражения извинения, а коммуникативное действие извинения не привязано только лишь к формуле. Конвенциональное значение формулы определяется внешними обстоятельствами, в которых она может приобретать тот или иной коммуникативный смысл. Именно коммуникативные условия порождения дискурса влияют на те смыслы, которые выражаются в этих формулах.

В такой ситуации очевидным представляется то, что невозможно прямолинейно и однозначно трактовать функционирование формул извинения в терминах и с позиций только речевого этикета или ГРА. Анализ употребления как формульных / конвенциональных, так и неформульных / неконвенциональных / контекстно-обусловленных высказываний должен включать анализ не только языковых форм, но и условий их порождения и коммуникативной сути реализуемого речевого

действия, а также культурных факторов, оказывающих влияние на осуществляемое действие извинения. Это возможно только тогда, когда описание и анализ феномена извинения проводится не на уровне отдельного речевого акта, а в рамках более крупной единицы анализа. Такой единицей анализа может быть дискурсивное событие, под которым понимается «совокупность прагматически когерентных речевых актов, направленных на достижение общей коммуникативной цели» [4: 15]. Дискурсивное взаимодействие является культурно-специфичным, и только дискурсивно-событийный подход позволяет учитывать при анализе определенного явления (например, ситуации извинения) лингвокультурные особенности того или иного сообщества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ратмайр Р. Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры / Р. Ратмайр. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — 272 с.
2. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. — М., 1986. — С. 170—194.
3. Цурикова Л.В. Проблема естественности дискурса в межкультурной коммуникации / Л. В. Цурикова. — Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2002. — 257 с.
4. Цурикова Л.В. Адекватность дискурса: анализ стратегий дискурсивного поведения на родном и иностранном языке / Л. В. Цурикова // Вестник ВГУ, Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». — № 2. — Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2002. — С. 14—25.
5. Brown P., Levinson S. Universals in language usage: Politeness phenomena / P. Brown, S. Levinson // Goody, E. (ed.) Questions and Politeness: Strategies in Social Interaction. — Cambridge: Cambridge University Press, 1978. — P. 56—311.
6. Cohen A.D., Olshtain E., Rosenstein, D.S. Advanced EFL apologies: What remains to be learned? International Journal of the Sociology of Language, 62 (6), 1986. — P. 51—74. — <http://www.carla.umn.edu/speechacts/bibliography/apologies.html>
7. Coulmas F. 'Poison to your soul': Thanks and apologies contrastively viewed / F. Coulmas // *Conversational Routine: Explorations in Standardized Communication Situations and Prepatterned Speech*. — The Hague & New York: Mouton, 1981. — P. 69—91.
8. Edmonson W.J. On saying you're sorry / W. J. Edmonson // *Conversational Routine: Explorations in Standardized Communication Situations and Prepatterned Speech*. — The Hague & New York: Mouton, 1981. — P. 273—289.
9. Fisher I. In a Rare Step, Pope Expresses Personal Regret / I. Fisher — NY Times, September 18, 2006. — <http://select.nytimes.com/gst/abstract.html?res=10610F638550C7B8DDDA00894DE404482>
10. Funk-Unrau N. Potentials and Problems of Public Apologies to Canadian Aboriginal Peoples / N. Funk-Unrau. 2004 — http://www.cnetwork.ca/research/include/Public_Apology_for_Aboroginal.pdf
11. Goffman E. Relations in Public: Micro-Studies of the Public Order / E. Goffman — New York, 1971. — <http://people.brandeis.edu/~teuber/goffmanbio.html>
12. Kumatoridani T. Alternation and co-occurrence in Japanese thanks / T. Kumatoridani // *Journal of Pragmatics*, 31, 1999. — P. 623—642.
13. Tannen D. I'm Sorry, I Won't Apologize / D. Tannen — The New York Times Magazine, July 21, 1996. — <http://www.georgetown.edu/faculty/tannend/nyt072196.htm>
14. Tavouchis N. Mea Culpa: A Sociology of Apology and Reconciliation / N. Tavouchis. — Stanford: Stanford University Press, 1991 // Neil Funk-Unrau. Potentials and Problems of Public Apologies to Canadian Aboriginal Peoples. 2004 — http://www.cnetwork.ca/research/include/Public_Apology_for_Aboroginal.pdf
15. Trosborg A. Interlanguage Pragmatics. Requests, Complains and Apologies / A. Trosborg // *Studies in Anthropological Linguistics* № 7. — Mouton de Gruyter. Berlin. New York. 1995. — 410 p.